

бургской деревне оставшуюся часть лета и осень в семействе своем прожил».²⁴ То, что первые стихи, посвященные Екатерине, связаны именно с водным пространством, совсем не случайно. Речное пространство станет для Державина в будущем синонимичным с понятием успокоения, красоты, внедрения жизни в нормальное русло, целью жизни. Впоследствии он будет жить в домах, построенных обязательно у рек (Фонтанки и Волхова).

В 1767 г. овладение речным пространством доступно, однако, пока только идеалу в его воображении — Екатерине Великой. Обращаясь к Волге, по которой в его поэтическом представлении плывет на судах Екатерина, он уверен, что ей днесь «тещи пристойно с тишиною», ибо «Екатерина мир приносит всем собою». Описывая маскарад, устроенный к ее прибытию в Казань, Державин не забывает водной тематики в двестишии «И радость и восторг текут в сердца рекою / И горы и леса текут к Тебе толпою», но потом заменяет первый стих строкой, отражающей мифологическое восприятие водного пространства: «Воистину у нас Орфеев век тобою» (3, 183—184).²⁵ А в недошедших до нас стихах 1760-х гг. он связывает образ императрицы не только с рекой, но и с жемчугом: «первые написал ямбические экзаметры на проезд Государыни чрез реку того селения Мохость, в которой иногда находят прекрасный жемчуг».²⁶ Таким образом, уже в самых ранних стихах Державина намечаются те художественные находки, которые приведут не только к образу «кристальных вод, бьющих меж перл» в 1773 г., но и лет через двадцать к знаменитому образу в начале «Водопада»: «Жемчугу бездна и серебра / кипит внизу, бьет вверх буграми».

Ранние описания проездов императрицы по рекам имеют ассоциативный и топонимический характер. В зрелой поэзии Державина связь образов императрицы с текучестью усложнится. Уже в «Фелице» императрица совсем не случайно «орошается» реками слез самого поэта («Стремятся слез приятных реки / Из глубины души моей»), а в «Благодарности Фелице» с ней связывается текучесть всей природы («Там блещет брег в реке зеленый, / Там светят перлы по лугам; / Там степи, как моря, струятся, / Седым волнуясь ковылем (...) Когда поверх струистой влаги»). В «Видении Мурзы», которое начинается со слов «На темноглубом эфире / Златая плавала луна» (1, 106), ночной пейзаж не только утопает в образах взаимопротекаемости Невы и Бельта, но и появление Екатерины, представленной богиней, приносящей «сиянье небесно»,

²⁴ Записки С 37

²⁵ Орфей, по преданию, — сын фракийского царя Эагра, бога реки, при звуках его лиры море не шумело, а во время его плавания с аргонавтами сдвигающиеся быстро скалы симплегадов остановились навсегда, чтобы пропустить его корабль

²⁶ Записки С 35